

Андрей Камарова



Незевды
о кермабпax

Альфия Камалова

Легенды о кентаврах. Мифология

«Издательские решения»

Камалова А. Б.

Легенды о кентаврах. Мифология / А. Б. Камалова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836346-7

Кентавры... Эти удивительные полукони-полулюди с детства будоражат наше воображение. Бывшие боги — кентавры, свергнутые олимпийцами, мало чем отличаются от людей. Одни стремятся наполнить свою жизнь смыслом и светом. Другие — во власти тьмы. Смогут ли, титаны по происхождению, кентавры противостоять силе и воле олимпийских богов? Сумеет ли кентавр защитить свою внучку Меланиппу от преследований могущественного Посейдона? Об этом повествуют легенды древних греков.

ISBN 978-5-44-836346-7

© Камалова А. Б.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Сказание о происхождении кентавров	8
Сказание об океаниде Фелире	9
Сказание о несостоявшейся свадьбе	11
Сказание о дочери Хирона Окиронее	17
Сказание о кентавриде Меланиппе	19
Меланиппа и Асклепий	19
Встреча у водопада	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Легенды о кентаврах
Мифология
Альфия Камалова

© Альфия Камалова, 2017

ISBN 978-5-4483-6346-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

И услышал Хирон: земля на склонах Пелиона содрогалась от ударов множества копыт. Крики человечьи смешались с конским ржанием. Вышел мудрец и врачеватель навстречу собратьям своим – племени лесному диких кентавров. Пар идет от взмыленных круп, хвостами хлещут, копытами землю роют. Но человечьи головы в диких зарослях бород, и тела без шерсти звериной, и по паре рук людских. Хриплый смех переходит в ржание, со всхрапом грубые голоса, но речь внятная, человечья. Полукони-полулюди лесные — племя одичавшее, зверо-люди

– Ты самый мудроумный среди нас! Тебя почитают и люди, и звери! Народ избрал тебя вождем! Верховоди нами! – кричали они. – Лапифы нас позвали на пиры! А мы войной идем к лапифам! Веди нас на битву с древолюдьми¹! Хотим мы жен их похитить и дев! И запасов пьяного вина у них много! Вина! И-го-го! Вина хотим! Вина! И-го-го! И-го-го!

Молчал Хирон. Молчали и кентавры, ожидая ответа, нетерпеливо копытами переступали, на странное оружие в руках у Хирона поглядывали – что-то вроде лука для стрельбы, но тетива в семь рядов натянута. Поднял Хирон к груди свой инструмент и тронул тетиву перстами, прикрыв глаза, – с протяжным вздохом запела его лира и заплакала. Быстро-быстро побежали его пальцы по струнам – зазвенели они тревогой, зашумели тоской глухой, забились, заплескались, как волны с рокотом бьются об утес перед бурей. Вскинул суровые глаза на лесных кентавров Хирон благородный и лиру протянул их главарю. – Сыграй же ты теперь, Эвритион, на лире! Как я, сыграешь, чтоб соловьи молчали, – пойду к вам в возжаки!

Со стоном лопнули струны, когда Эвритион их грубой пятерней рванул. Хрипло рассмеялся он и лиру под ноги швырнул.

– Мы из древнего рода титанов! Не нужна нам твоя лира тихострунная, тихо шепчущая да щебечущая! Нам нужна лира штормовая, ветрами воющая-свистящая, чтоб от раскатов громовых небо трескалось, чтоб земля прогибалась да ухаляла от топота наших копыт! Что ж, копытный собрат, не поймешь ты, зова души наших, рвущихся к мятежу?!

– К погибели вы рветесь! Погибели своей вы ищите! Кентавры! Если вы примчались звать в возжи Хирона, то слушайте Хирона! Лапифы вам братья по прадеду Иксиону. С давних пор мирно уживались два братских племени в Фессалии, и не было причин для вражды. Кентавры кормились в горах на юге Фессалии, а равнину севера населяли племена лапифов. Одумайтесь, кентавры! И с мятежом, бушующим в крови, на лапифовы пиры не ходите! Не влеките беды в табуны одичалые! Паситесь вольно на полях Магnezийских! Мира ищите в горах Пелиона!

Заметно волнуясь, скакнул вперед гнедой кентавр Асбол, встряхнул с решимостью черными волосами и вытер пятернею пот, проступивший на лбу. Ту же руку, положив на грудь, и слегка склонив свой торс в поклоне, с почтением обратился он к мудрейшему из титанов.

– Прости Хирон, это я уговорил их звать тебя в возжи, чтобы послушали они слова твоего мудрого, одному мне их не удержать...

Вздуроражено переступая копытами, Асбол развернул свое конское тело к табуну собратьев и, уже в который раз попытался усмирить воинственный дух племени.

– Братья! Лапифы нам не враги. Их вождь, могучий Перрифой – сын нашего общего предка, Иксиона огненного, и он не ищет с нами раздора – не для того он пригласил нас на свадебный пир. Не годится, братья, на гостеприимство отвечать враждой! С таким озлобленным настроением беду вы кличете, кентавры! Я видел вещий сон, что кровь прольется у Перрифоя на свадьбе! Это ваша кровь! Развернитесь, кентавры, и скачите обратно в горы!

¹ Древолюды, они же лапифы — племя титанов, обитавшее на равнине на юге Фессалии.

Но не слышат его кентавры — могучи и свирепы, копыта, взвившись, мелькают в воздухе. Кулаки в драку рвутся! Сила буйная, шальная гонит по жилам кровь бурлящую. Рвется сила наружу — скакать, топтать, крушить и рвать, от пенного гона хмеля, от жара битвы зверя... Радости лютой жаждет их воля голодная!

Сказание о происхождении кентавров

Урожденные титанами, кентавры были бессмертны, как дети первых самых древних богов, Урана-Неба и Геи-Земли. И жили они в радости, не зная ни страданий, ни старости. Мирно паслись благие кентавры на полях феакийских² с нивами самосевными среди рощ плодовых. Для всех титанов – былых богов – наступил тогда Золотой век. Так было в царствие Кроноса. Но младший из кронидов – Зевс, свергнул отца и отправил его в мир вечного мрака Тартар. И тогда братья и сестры Крониды, жившие высоко в горах – на многовершинном Олимпе, поделили между собой власть над миром. Но не покорились им благие кентавры, претило им коварство и хитроумие олимпийцев в борьбе за власть. Не признали они воцарения олимпийцев: ни Зевса – громовержца и метателя молний – владыкой мира, ни Посейдона – владыкой пучины морской, ни Аида – владыкой мрачного мира теней не признали они. «И мы из рода титанов! И мы бессмертны! – гордо кричали они богам на Олимпе. – Никто не властен над нами! Мы вольны!». И изгнаны были кентавры с полей золотых изобильных в дебри лесные на круторогий хребет Пелиона. Там в непроходимых чащах лесных опасность подстерегала их на каждом шагу. Там в миг любой от прыжка зверя хищного мог хрустнуть конский хребет. Там, в миг любой зверина лютый мог сомкнуть клыки свои на шее человеческой. Там, в миг любой змея дремучая, с шипением проползая меж камней, могла впрыснуть яд в кровь бедного кентавра. Жизнь и смерть боролись между собой – ежедневно, ежечасно. И иссякла сила бессмертия в борьбе за жизнь. Затравленные страхом и лютостью, обезумели кентавры и стали терять свое бессмертие. Много кентавров погибло. Но уцелевшие сами стали звереть, чтобы выжить! Сами стали лютее зверя лютого! Иные могучими руками вырывали с корнями деревья из земли, другие ударом копыта отсекали глыбы скал и крушили врага, копытами топча, зубами раздирая

Свирепые и ярые, некогда благие, кентавры жаждали теперь радости буйной, чтобы вихрь шумел в головах, чтобы кровь огнем закипала, чтобы сердца в небо взлетали! И такую радость принесла им дружба с Вакхом, богом виноделия и веселья. Селен, коненгий сатир, частенько прикатывал от него щедрые дары – бочки с зельем пьянящим, безумящим зельем!

– И мы – титаново племия! И нам по рождению даровано право властвовать на земле, как богам на небе! – кричали они, хмельные, угрожая богам-олимпийцам.

Впрочем, канули тысячелетия в Лету, и со времен царствования Иксиона в Фессалии, никто уже не помнил, где жили и кем были прежде эти полудикие кентавры. Они так давно обитали на горном хребте Пелион, что поговаривали, что, сам огненный Иксион и был пра-родителем кентавров.

Из уст в уста переходила легенда о том, что страстью воспылал титан Иксион к жене другого титана – Зевса. И тогда Зевс, такой же коварный и хитрый, как и другие его братья и сестры, рожденные от Крона, подослал к нему на свидание богиню облаков Нефелу, принявшую облик его жены, богини Геры. И от этого соития родила Нефела чудище диковинное – полубога, полужверя, получеловека – по прозвищу Кентавр. От родителей он был смесь огня и воды: то с хохотом несется по полям, разметав хвост и гриву, то по небу парит в дымных клубах облаков, то в дикой злобе яростью кипит, то растает, как облако, и дождем пральется. Это странное чудище, полуогненное, полублачное, паслось вместе с табунами нимф-кобылиц, зеленых, как трава. От него-то и пошли эти существа необычные: то ли люди копытные с лошадиным телом, то ли кони с человеческим торсом.

² Феакийские поля – соответствующие Золотому веку места сказочного изобилия, с непрерывно плодоносящими полями.

Сказание об океаниде Фелире

Среди сестер своих, бессмертных титанид-океанид, всех прелестней была Фелира – с изумрудами сияющих глаз, с волосами цвета морских водорослей. Тесно ей стало жить в Мировой реке-Океан, что разделяет мир живых от мира мертвых. Наскучило нырять и перекатываться с сестрами в вечном движении вод океана. Утомил ее скат высокого неба с бесчисленными стадами облачных коров. Но влекла титаниду таинственная жизнь на суше – могущественного Крона царство. И отправилась отважная океанида в далекое путешествие, знакомясь в пути с морскими нимфами, играя с дельфинами и стаями летучих рыб. Привлеченные красотой одинокой странницы, преследовали ее морские титаны и сереброногие тритоны с рыбьими хвостами, но своевольная и изворотливая, как текучая вода, Фелира ускользала от них. И доплыла титанида до берегов суровой Магнезии к подножию горного хребта Пелион. Не останавливая стремительный разбег волны, прокатилась Фелира по песчаной косе до нивы луговой. Вскрикнули травяные нимфы-кобылицы, отскочили от прохладных брызг морских, замерли поодаль и наблюдают за чудной гостьей с развевающейся гривой зеленых волос. Со смехом окунулась океанида в шумящее море листвы. Заволновались магнезийские кобылицы и побежали бурными валами по склону горы Пелион. Вслед за ними на волне поплыла титанида, а вода вдруг растеклась по суше да в землю ушла. И тогда быстроногой кобылицей обратилась Фелира и кинулась их вскачь догонять. Но не смешалась океанида с зеленым стадом прибрежным – вся прозрачно-изумрудная, она так переливалась и отсвечивала зеркальными бликами на свету, что даже Ирида-Радуга, залюбовавшись, накрыла ее светящейся дугой своего разноцветного одеяния

И вдруг почва под летучими копытцами кобылицы ходуном пошла. От неведомого топота могучего земля загудела. В панике разбежались травяные нимфы. Ни оглянуться, ни испугаться не успела Фелира, как рядом с ней уже скачет чудо-конь золотой. Бок о бок идет подле нее, скоком в скок гарицует – и огненных очей с нее не сводит! Лаской волнует тот взор, жаром охватывает! Никогда прежде в своих волнах перекатных, гребнистых и горбатых, Фелира не встречала такого дива, туманящего ей голову. Она впервые изменила привычкам. До сих пор титанида-оборотень небрежно отвергала всех, и, легко меняя облик, ускользала, вводя в заблуждения всякого, кто пытался утолить с ней свои вожделения. И только Кроносу, вождю титанов, она была не в силах отказать, сама того не зная, что перед нею Он – могущественный сын Урана-Неба и Геи-Земли!

А дивный конь вдруг сбил их слаженный аллюр, и, кинувшись наперерез, остановил изумрудно-светящуюся кобылицу. Вскинувшись перед нею на дыбы, он заржал с нетерпеливым призывом. Титанида вздыбилась ему навстречу, тонкой голенью коснувшись на взлете его мощных передних ног, и нежным манящим ржанием ответила на его зов.

Став тайною женою Крона, вышла Фелира из-под зеленого шатра листвы уже не кобылицей, а нимфою лесной. Не захотела титанида возвращаться к отцу – назад в просторы океана. Вошла она на высокую кручу хребта Пелион, богатую пышными лесами, нашла неприступный утес, срывающийся в море отвесной стеной, – отныне здесь, где соединяются две ее стихии – океан и лес – Фелира обрела свой новый дом. Превратилась титанида в исполинское дерево – гигантскую Липу, встала на утесе, могуче раскинув руки-ветви, и необозримые дали древнего океана открылись ее взору. Вести от отца и сестер приносил Фелире- Липе косматый пенистый Прибой. То беспокойно, то ласково шелестя листвою, слушала она говор волн – игривых и гулливых, кипящих и бурливых, свирепых, штормовых... А иногда Фелира и сама зеленовласой нимфой спускалась к разгульным подругам и качалась на упругом гребне волны...

Родила Исполинская Липа от Кроноса – сына Хирона, бессмертного титана, которого впоследствии почитали и боги, и люди, и звери. Дитя феерической страсти, Хирон унаследо-

вал от родителей-оборотней одновременно и человеческое, и конское обличие. Могучий человеческий торс, не знающий старости и увядания, перерастал в великолепный золотисто-каурый лошадиный корпус. Вьющиеся рыжевато-серые волосы обрамляли его лицо с внимательным взглядом изумрудно-зеленых глаз. По отцу Кроносу Хирон приходился братом олимпийским богам-кронидам, младший из которых – Зевс, низвергнув молниями отца в Тартар, сам стал владыкой мира.

Никто из титанов и богов-небожителей Олимпа не мог сравниться с премудрым кентавром по силе знаний. Сама Мать-Земля доверяла Хирону свои тайны. Он знал язык зверей, птиц, и гадов ползучих. Ему открывались чудодейственные силы растений, он умел исцелять недуги. Ему поклонялись, его чтили, как Мудреца, и Хирон никогда не отказывался делиться познаниями, и потому среди титанов и людей он заслужил высокого звания – Учитель.

Сказание о несостоявшейся свадьбе Фетиды и Зевса

Когда уходили на охоту питомцы мудрого Хирона, герои-полубоги, и внучка Меланиппа упархивала на прогулку с юным богом Асклепием, тогда для кентавра наступал его час – час тишины, покоя и раздумий. В такие минуты любил Хирон брать в руки свою лиру, и послушна его перстам, отзывалась она звуками то отрадно-безмятежными, как полет бабочек над цветущей лужайкой, то мятежно-тревожными, как буря в грозовую ночь. Пел Хирон под завораживающие звуки лиры, и замирала природа, внимая ему. Смолкали птицы, дремотно убаюкивался ветер, забыв трепать листву, и даже журчливые ручейки замедляли свой бег, и затихал их неумолчный говор

Как-то серебристая Фетида, изменчивая, как морская стихия, чайкой прилетела к жилищу кентавра, и, закутавшись в туман, и притаилась за деревьями. Волшебные струны Хироновой лиры тронули ее сердце. Заплакала богиня Фетида, прислонившись к дереву. Вспомнила себя юною, влюбленную и безмерно счастливую морскую царевну... Тогда на ее руку претендовали два могущественных бога, два брата – кронида...

Старший из братьев, суровый Посейдон, свергнув, царя Неря, сам стал повелителем морской стихии. Но к советам отца Фетиды, обладающего мощным даром предвидения, прислушивался и часто посещал их дом. Однажды на семейном празднике, увидев танцующую Фетиду, он был настолько очарован ею, что захотел незамедлительно жениться на ней и попросил у Неря руки его дочери. Старец, увидев тайные знаки ее судьбы, обещал отдать Фетиду ему в жены, не ранее, чем через год. Невзирая на гнев Посейдона, Нерей был неуступчив

На одном из пиршеств между богами Олимпа разгорелся спор о том, кто же из богинь-небожительниц прекраснее. Мрачный Посейдон ни одну из них не посчитал достойной звания «Самой Прекрасной», а брату своему, Зевсу, сказал, что самые прелестные создания – это нимфы, а не богини. А еще он поведал Громовержцу о причине своей печали – о недоступной юной нирейде, танцующей на песчаном берегу в свете луны.

Заинтригованный Зевс, приняв облик орла, отправился к морю, чтобы посмотреть на ту нимфу, дочь Неря, а увидев ее, сам прельстился ее красотой и запыхал к ней страстью. Жизнелюбивый сердцеед сумел обворожить Фетиду своими рассказами о победах над чудовищными исчадиями земли, о разумном переустройстве мира, о господстве добра и справедливости в его царстве. Несмотря на то, что она была обещана отцом старшему из кронидов, из двух братьев, соперников в любви, Фетида выбрала младшего. Но не потому, что Зевс вознесся к тому времени на вершину власти

Она верила дерзновенному победителю титанов, его спокойной уверенности в себе и отваге. А Посейдон? Он, бесспорно, могуч, но уж слишком зол, яростен и гневлив...

Войну с чудовищными титанами Зевс начал сразу после того, как скинул с престола своего отца, титана Кроноса.

Когда-то Кронос, опасаясь предсказания Геи-Земли о том, что будет свержен собственным сыном, поглощал всех младенцев, которых рожала ему жена Рея. Только одного из них и сумела спасти Рея – новорожденного Зевса, отправив в чрево мужа запеленатый камень вместо него. А выросший и возмужавший вдали от родителей Зевс спас своих братьев и сестер, благодаря помощи богини Мысли — Метиды, которая стала его первой женой. Метиды сварила зелье, выпив которое Кронос срыгнул проглоченных детей, а вскоре был низложен ими и сброшен в Тартар.

Вот тогда-то и началась Титаномахия: новое поколение богов во главе с Зевсом укрепились на горах Олимпа и объявило войну прежним богам – титанам. Некоторые из них сразу

перешли на его сторону. Первым это сделал Прометей со своею матерью Фемидой. Обладая даром предвидения, он знал, что титаны обречены на поражение в войне против олимпийцев, вплоть до их полного истребления. Поэтому он убеждал старых богов взять на вооружение тот же метод, что и Зевс – хитрость, и вступить с ним в дружеский союз. Среди сторонников Зевса были отец Фетиды, бог моря Нерей, Гелиос, бог Солнца, страшная богиня реки Стикс из Царства мертвых, и киклопы-кузнецы из Тартара. Под сумрачным Аидом, где вечное господство тлена, киклопы для борьбы с чудовищами сковали оружие, мечущее огонь. Благодаря перуну-огнемету и стрелам-молниям, поражающим насмерть не только смертных, но и богов, Зевс тогда и стал прозываться Громовержцем

«О, трепещите все теперь пред мощью силы Зевса! Стрела разгневанного Олимпийца испепелит любого, будь он бог или титан, — бессильны все бессмертные пред ней!» – ликовал кронид, ощущая себя непобедимым.

Все титаны, кто помогал Зевсу в Титаномахии, остались служить ему. А детей богини Стикс, своих самых неоценимых помощников, Владыка уже никогда не отпускал от себя, так они и остались служить ему на Олимпе, неотлучные от трона Громовержца – Сила, Власть, Ника-Победа и Зависть-Коварство.

Спасенные Зевсом братья и сестры в знак благодарности добровольно отдали в его руки бразды правления. Но вскоре некоторые из них, окрепнув, стали считать себя равными ему, и сами возжелали власти.

И именно она, Фетида, счастливая невеста Зевса, против властителя Олимпа раскрыла заговор. Его ближайшая родня – Афина-дочь, брат Посейдон и милая сестричка Гера – все те, кому он верил, расширяли трон под ним, борьбу вели за власть. Зевс был бы скован и свержен, если б не она – Фетида! Великана Сторукого призвала она из мрачного Тартара и привела с собою на Олимп на помощь Зевсу. Отступились в страхе боги-мятежники, когда на них надвинулось горообразное чудовище из мрака Преисподней, когда огнедышащие пасти пятидесяти голов, клыками скалясь, приближались к ним, и крючковатые, когтистые пальцы сотни рук злое по тянулись к ним. Задрожали заговорщики, оцепенели от леденящего страха, когда вслед за Бриареем Сторуким два демона войны, два брата незвано ворвались: с истошным визгом Фобос над ними носился, и жутко Деймос³ завывал. Как вихрь пролетали, сгустились, как мрак, и дымной тучей космато зависали, вонзаясь злобно огоньками красных глаз.

С тех пор с опаскою поглядывали на хрупкую и нежную Фетиду все небожители: откуда в ней такая сила, такая власть над чудовищами, отваги столько?

Но ликующий и влюбленный победитель Зевс внезапно накануне свадьбы впал в угрюмство. Фетиду видеть не желает, и на Олимпе ходит слух, что предстоящий брачный пир отложен... Иные шепчут, что его совсем не будет: властителю не по душе божественной Фетиды со смертным шаши. А слухи все ползут. Со смертным шаши?! С кем же? Нерида всегда надменна и холодна – с богами олимпийскими! Как снизошла до смертного она?

Вестник небожителей Гермес по поручению Зевса отыскал царя Пелея в пещере у Хирона. Внук Зевса, полубог Пелей, охотясь на лесистом Пелионе, навестил своего наставника-кентавра, учившего его не только искусству владения оружием, но доброте и милосердию. Пелей давно уже забыл об уроках мудрого учителя, но то, что Хирон однажды спас его от смерти, когда дикие кентавры едва не растерзали и не затоптали его безоружного, он помнил. Как и все потомки богов, рожденные от смертных женщин, он был силен, как лев, задирист, как петух, и бесстрашно рвался в бой. Ему-то Гермес и доставил высочайшее послание от богов Олимпа. «От мойр, что вслепую ткнут полотно судьбы, выпал Пелею жребий – стать мужем богини Фетиды. По пророчеству Прометея, их будущий сын станет про-

³ Фобос-Страх, Деймос-Ужас – сыновья кровавого бога войны Ареса.

славленным героем великой войны будущего. Но вначале царь Пелей должен доказать, что он достоин такой высокой чести и победить богиню в единоборстве. Если жив останется герой и одолеет он Фетиду, то быть сему!» – Что ж, никто не волен изменить судьбу, предначертанную мойраами. Даже Зевс над этим не властен. Бедная Фетида! – задумчиво молвил Хирон и подсказал Пелею, где находится грот, куда любит заплывать Фетида

Долго ждал герой, спрятавшись среди скал прибрежных, красавицу-нереиду. И как только приблизилась она к своему гроту, всколыхнулись, расступаясь, воды морские, и в плавном танце закачались белоснежные водяные лилии. Подкрался тогда Пелей и схватил в могучие объятия зеленоокою морскую деву, как учил его Хирон. Забилась царица в Пелеевых руках, тщетно пытаясь вырваться, потом затихла на мгновение, и вдруг взвились две гигантские волны у нее за спиной, и давай она ими хлестать молодого царя, как птица крыльями. То вздымались и вспенивались те крылья, то опускались со всего маха на плечи и голову Пелея. Сверху на героя обрушивались потоки соленой воды от крыльев Фетиды, и снизу вздымалась волна, поднимаясь все выше и выше.

– Воды нахлебаюсь и утону, – подумал Пелей. – Надо выбираться из грота.

Отталкиваясь ногами, и не разжимая объятия, он выплыл на песчаный берег. Вдруг жаром опалило лицо и руки Пелея, уже не водяными – огненными крыльями стала опалять его титанида.

– Пока я мокр – я не сгорю, – решил царь Иолка и рук не разомкнул. И кожей живота, груди, ладоней ощутил он шерсть звериную. С колючим шипеньем приближалась к его лицу морда разъяренной львицы, но и теперь не удалось Фетиде обратить героя в паническое бегство. Знала она, что единственно верное средство – сомкнуть острые клыки на человеческой шее, разодрать когтями его живот, чтобы вывалились кишки... Но не решилась богиня выпустить кровь смертного, только изменила свой облик, в надежде напугать его. С шипением заскользила под руками Пелея упругая змеиная плоть. Но и в змеином теле не удалось Фетиде выскользнуть из цепких рук полубога. Как ни обвивалась она вокруг него, как ни сдавливала, не сдался герой – только грудой своих мышц напрягся, твердых, как скала. И тогда вокруг его шеи змея обмоталась, – и захрипел от удушья герой, и расцепил свои могучие руки... Но не Пелей лег бездыханным у ног нереиды! Нереида упала без чувств, не в силах отнять у смертного остаток его короткой жизни. Помутилось в глазах у Фетиды от внезапно подступившей дурноты – от мысли ужасной, что еще через миг будет мертв человек...

Очнувшись, поднял голову Пелей, и обрадовался, что он жив и невредим, и увидел он деву морскую, царицу огненновласую, в беспамятстве лежащую с ним рядом на песке. И тогда на виду у всех богов Олимпа, наблюдавших за поражением Фетиды сверху, Пелей насильно овладел ее бесчувственным телом на песчаном морском берегу.

В негодовании стоит богиня пред тронном Громовержца, ушам своим не веря. Богов владыка назначил день свадебного торжества Фетиды и царя Пелея

– Царя Пелея из Иолка?! Но он жалкий смертный! Цепь преступлений тянется за ним! Из зависти убил он брата, случайно тестя на охоте пристрелил! А эта на шумевшая исторья с женой царя Акаста? Пелей отверг ее. Она ж в отместку оклеветала его перед мужем. Из этой грязной ссоры – считают люди – вышел победителем Пелей, убив обоих... В бесчестии погрязли люди. Напрасно Прометей упорный пытался просветлить их темный разум, учил их строить корабли, дома, носить одежду, читать, писать учил... и верить в светлую мечту... Но все равно они во власти злобной силы! Пелей – один из них! О, жалься, не сгуби! – с отчаянием и болью говорила униженная Фетида Зевсу, и не гнев – смятение видела она в чертах былого возлюбленного.

– Так нужно! Воля богов такова, – отвечал ей Зевс, склонив голову и спрятав глаза за густою завесой бровей. – Я бьюсь за то, чтоб наступил порядок, чтоб очищались нравы

в моих владеньях... Мой благородный внук Пелей... готов... готов спасти он честь богини, запятнанную прелюбодеяньем с ним!

На свадьбе молодоженов пировали и боги Олимпа, и морские божества, и лесной народ, и человеческие родственники жениха – да не в тесном дворце мелкого царька Пелея, не в подводных чертогах титана Нерее, отца Фетиды, а на просторной солнечной поляне перед пеце-рою Хирона

Пленяя взоры своим изяществом, водили хоровод хариты, божества вечной радости, вселяющие как в богов, так и в смертных восхищение прекрасным. – Унылой и серой казалась бы жизнь без этих дивных дочерей Зевса. Чарующе пели музы, сменяя друг друга в полухориях. Славили они в своих гимнах бессмертное, могучее племя богов и установленные Зевсом законы, добрые нравы и разумные мысли, которые должны царить и в мире людей, и среди небожителей-богов. И наконец, божественный провидец Аполлон, восседая на низко спустившихся облаках, спел под свою золотую кифару пророческое сказание о скором будущем, о кровопролитной войне и о великих подвигах еще не рожденного сына Фетиды и Пелея.

Еще не рожденный сын Фетиды... – вот чего так панически боялся Зевс, и вот отчего не состоялась его свадьба с красавицей-нереидой! По предсказанию Геи-Земли, кто бы ни был мужем божественной Фетиды, великое будущее ждет ее доблестного сына, который силой и властью намного будет превосходить своего отца! Но сын, рожденный ею от Зевса, будет могущественнее Владыки богов и свергнет его с престола!

Про это пророчество знали всего лишь двое – титан Прометей и его мать, богиня справедливости Фемида. Десять тысяч лет прикованный к скале в горах Кавказа Прометей хранил эту тайну и не раскрыл бы ее Властителю Олимпа, даже если ему за это была бы дарована свобода! Но его мать использовала свое тайное знание с большою выгодой для себя: Зевса она предостерегла от ошибочного шага и помогла ему сохранить свой трон. А главное, соперница была устранена, а женою Верховного бога стала она сама – богиня справедливости Фемида!

А Зевсу пришлось делать непростой для мудрого правителя Земли и Неба выбор: или он выбирает возлюбленную Фетиду с ее могущественным сыном-божеством и теряет свою власть, или соглашается на рождение героя среди жалких обитателей земли, силы которого можно не опасаться на небесах...

– Гм-м, от кого же? – думал он. – Среди богов искать супруга своей отвергнутой невесте? Это опасно... Что если бунтаря, второго Прометея, родит она? Нет, без сомненья, он должен смертным быть, счастливцем этот, от семени которого родить героя ей выпал жребий! ...Но как Фетиду убедить смириться с участью такой?.. – мрачнел Громовержец и замолкал надолго, прикрыв глаза ладонью, чтобы тоску унять и боль, сжимающую сердце.

– И где найти такого смельчака среди людей, чтоб согласился укротить не просто женщину – строптивую богиню? — обращался он к Аполлону, холодным подавив рассудком мгновенную слабость души.

– Мне кажется, такого удальца я знаю! – улыбкой осветился Аполлон. – Что скажешь ты, отец, про внука твоего – Пелея?! Этот драчливый задира вечно скитается без угла из-за своих скандалов. Изгнанный из мест родных за преступленье, Пелей во Фтию удалился, был принят с ласкою, женился, но и оттуда он бежал, случайно тестя на охоте подстрелив. Жену ему пришлось покинуть... Приют нашел в Иолке, у друга своего, царя Акаста, но вляпался в историю опять, которая закончилась убийством друга. С тех пор Пелей и царствует в Иолке...

– Пелей могуч и своеволен... И, кстати, холост... — тускло проговорил Зевс и помрачнел опять, как туча. – Ему, паскуде этому... Фетиду – в жены?... Фетиде на Олимпе равных нет... Да самые могущественные боги за честь считали... И даже брату Посейдону ее отдать я не хотел... А Пелей... гордится пусть... Он храбр, как барс... И, если повезет ему в живых остаться... Скажи, оракул Аполлон, чем славен будет их с Фетидой сын? – Герой войны,

жестоккой, многолетней? Герой войны людей? – в потухшем лице Зевса мелькнула удовлетворенность. – Подходит! И предлог для войн кровавых для людей всегда найдется! И пусть себе эти жалкие Прометеевы создания сами себя и уничтожат в боях! Давно пора наказать их за бесчестие! – успокоившись, согласился царь богов.

И через два десятка лет на пиришестве богов созревает повод для такой войны – бессмысленной Троянской бойни. Брошенное богиней Раздора Эридой, катится по столу сверкающее золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей!». Три богини Олимпа спорят между собой за звание титула «Прекраснейшей!»: Афина, Гера и Афродита. Хитрый Зевс отправляет их к Троянскому царевичу Парису для разрешения спора. Царевич из Трои присуждает титул богине Афродите, а от нее в обмен за победу в споре получает любовь жены Спартанского царя – самой прекрасной женщины на земле – Елены. И все умные и храбрые мужи Спарты и Трои, обвиняя во всех бедах коварство женщины, дробят друг другу черепа, ломают кости, пронзают тела копьями и стрелами, пропитывают землю кровью...

А милая сестрица Зевса – Гера, так возжеленно мечтающая о троне, находит, наконец, способ воплощения своих чаяний. Когда проваливаются все ее попытки переворота, когда выясняется, что бесполезно натравливать Посейдона против Зевса, она идет на поклон к богине любви. С помощью волшебного пояса Афродиты в самый разгар Троянской войны на вершине горы Гаргар, среди благоухающих цветов и трав, она соблазняет Зевса и становится его третьей законной женой.

Впрочем, Гера и раньше сочеталась с любвеобильным Зевсом на ложе любви. И давно уже на Олимпе властно хозяйствует спесивая и непреклонная Покровительница домашнего очага. И давно уже олимпийские небожители почтительно склоняются перед ней. И давно ли сам Зевс в наказание за строптивый норов высек ее, подвесив на золотых цепях? И хотя добрачные связи Геры и Зевса существовали и раньше, но именно этот праздник любви на вершине горы Гаргар древние греки прославляют как день священного бракосочетания Владыки Неба и Земли с упорной и отчаянной Хранительницей их супружеской верности. В этот день повсюду в Древней Греции проходят ритуальные празднества. Статую богини Брака и Семьи украшают, одевают в подвенечное платье и через весь город везут на колеснице к храму, где подготовлено для них брачное ложе.

И будут люди на земле славить святыню брака двух могущественных богов. И будет Гера для укрепления этих семейных уз вечно и злобно преследовать всех тех несчастных, на кого падет благосклонный взор ее женолюбивого мужа. И без конца на земле то здесь, то там у Громовержца будут рождаться дети от его земных возлюбленных, среди которых навеки прославятся имена Геракла, Полидевка, Елены Троянской... Но на Олимпийском небе ярких и значительных детей от законных жен у Зевса не было и не будет...

Кончил играть Хирон и почувствовал чье-то незримое присутствие рядом. И богиня Фетида, перестав скрывать себя, подошла к нему и молча села рядом. Давно не появлялась nereида в здешних местах. После свадьбы кентавр ее еще не видел, но знал от героев-полубогов, называвших их неравным с Пелеем брак «молчаливым», что богиня так и не смогла открыть своего сердца Пелею, данному ей в мужья по воле богов. Слышал Хирон, что родила бессмертная Фетида смертного сына от человека

Взглянув на богиню, увидел мудрец глубокую печаль в ее нежном лице. Не ошибся Хирон: не смогла Фетида смириться с тем, что сын ее смертен, и что умереть ему суждено во цвете молодости на поле битвы...

Безутешно рассказывала Фетида о том, как пыталась переломить решение неумолимых Мойр, изменить злой жребий, преодолеть Неотвратимость Судьбы⁴. Натирала малень-

⁴ Мойры Судьбы – три слепые старухи: Клото – Прядущая (нить судьбы обрывается в любом месте), Лахетис (Дающая Жребий), Антропос – Неотвратимость Судьбы.

кого Ахиллеса амброзией, что дарует бессмертие богам и придает им силы. Окунала младенца в мертвящие ледяные воды подземной реки Стикс, чтоб спасти его от гибели. И по ночам, когда спит Пелей, тело мальчика закаляла огнем. Но однажды ночью ее муж проснулся, вырвал ребенка из рук и теперь не позволяет приближаться к Ахиллесу, думает, что хотела сгубить мальчика.

– Он отнял у меня моего сына, и я вернулась домой в Океан. Но я не перестаю тревожиться о судьбе Ахиллеса, – говорила Фетида кентавру, с трудом удерживая слезы. – Я хотела сделать Ахиллеса бессмертным, но Пелей не дал мне завершить ритуал до конца. Я не могла смириться с тем, что сыну суждено погибнуть в боях после многих подвигов... Я... сделала все, что в моих силах. Тело Ахиллеса стало неуязвимым для всех видов оружия: для тучи стрел, ударов копья и меча... И только пята... пята... она ничем не защищена – я держала его за пяточку... Как горько знать, что именно это приведет его к гибели. Не могу я примириться с тем, что такая короткая жизнь сына пройдет в сражениях, и нить его жизни оборвется в бессмысленной войне людей... Я хотела бы... Скажи мне, мудрый друг, чем же иным, кроме истребления себе подобных, можно наполнить его жизнь, чтоб стала она ярче, полнее, богаче?

– Знанием! – сказал убежденно Хирон. – Только знание сделает разум зрячим, наполнит жизнь смыслом, а чувствам даст полет! А славными сделают подвиги героя добрые деяния. Только добро подарит вечность в памяти людей! Приведи ко мне своего Ахиллеса, и я раскрою ему тайны мира, я впущу свет в его душу и в глаза!

– Я думала об этом, Хирон! Сейчас меня не пускают к сыну... Но если Пелей сам не догадается отдать Ахилла на воспитание к мудрейшему из кентавров, мне придется похитить мальчика!

Сказание о дочери Хирона Окиронее

Живет Окироней⁵ в гроте близ горного потока. Иногда она бывает двуногой красавицей-наядой, но чаще облекается водами шумящего горного потока, и тогда, сверкающей серебряной кобылицей, бурля и вздымаясь, несется она вдоль каменистых берегов. Когда-то Окироней была нимфой, спутницей богини охоты Артемиды. Легконогая и стремительная, она следила за сохранностью лесов; птенцов-шалунов, выпавших из гнезда, возвращала обратно, оберегала от рыскающих хищников новорожденных зверенышей. Однажды стояла юная Окироней рядом с бабушкой Фелирой-Липой на отвесной скале и с восторгом наблюдала, как по бескрайним просторам моря катятся и катятся белогривые валы. – Вот бы взлететь, как птица! – подумала она. – Закружить над янтарными волнами и взмыть под самые облака!

И вдруг взволновалось море, забурило с шумом и неожиданно стихло. Взбаламученные волны пенно вскипели, и тут же, успокоившись, дремотно улеглись. Так шалил ветер, носившийся над морем, и это был не просто бриз, обвевающий побережье, а сам повелитель ветров – Эол. Он был вольный и гибкий, не знал ни единой преграды, в любую щель мог просочиться и вихрем штормовым разнести все в щепки. Он мог подняться высоко, к самому солнцу, — не обжигало оно его прозрачного тела, и на морское дно спуститься глубоко, по затонувшим судам пробежаться. Он мог выпустить на свободу все подчиненные ему ветра и ураганом пронестись по земле, сметая и круша все на своем пути.

Но в этот день он был игрив и ласков. То листья весело вскружит, то брюшки пощекочет у небесных коров, то соберет их в стайку и угонит от Нефелы.

Эол подлетел к Окиронее и, кружа вокруг нее, распустил ее длинные косы, в прядях ее серебристо-пепельных волос запутался, он трепал ее пеплос, гладил ее кожу и тихо шептал ей: «Лети со мной!»

– Нет, — говорила ему дочь Хирона. — Улетай прочь! Спутницам Артемиды не дозволено приближаться к мужчинам.

– Я всюду бываю, я многое видел, — говорил он ей. — Я видел, как дивные леса растут на дне морском, как грохочущие горы плюются огнем, как в горах распускаются каменные цветы! Лети со мной!

– Нет, — говорила нимфа Артемиды. — Улетай прочь! Я буду верна госпоже.

Договорился Эол с Нефелой и спустила она облачную корову – низко-низко. Погладила ее Окироней по холодной пушистой спинке. Еще ниже опустилось облако. Не удержалась Окироней, шагнула в ее мягкое тело. Только оглянулась она на бабушку Липу, вопрошая ее глазами: «Можно ли?»

– Лети – лети, — ласково качнула ей ветвями Фелира, ведь когда-то и сама она безоглядно нырнула в пучину своих чувств.

Поднялось облако с Окиронеей в небо, и по легкому прозрачному эфиру⁶ погнал его бог ветров.

Не вернулась домой Окироней. Потеряли Хирон с Харикло свою выросшую дочь. Только мудрая Фелира знала, что с юными девами такое однажды случается... Да от ока всевидящего Гелиоса не укрылось, как бог Эол в единоборстве одолел неуступчивую нимфу. Боялась отца Окироней, но пище Хирона страшил ее гнев Артемиды, защитницы целомудрия. И вездесущий бог ветров, зная о нравах богини-Девы, разящие стрелы которой не знают промаха, стал думать о том, как спасти возлюбленную от неминуемой кары. Попросил Эол Посейдона,

⁵ Окироз, Окироней – быстрое течение (с греч.)

⁶ Эфир – воздух, свет небесный.

покровителя коней, изменить ее облик, чтоб не губить дочь Хирона. Так Окироней превратилась в лошадь и стала зваться Гиппой⁷⁷.

Только через год, после кончины своей жены, царь Магнезии Эол смог жениться на Окиронее и привести ее с маленькой дочерью к себе дворец.

Родила Гиппа жеребенка на Пелионе. Но Эол пригласил своего друга Посейдона, чтобы тот вернул его дочери человеческий облик. Бог морей превратил новорожденную кобылицу в девочку, но на глазах у всех дочь Эола приобрела черты двуприродного существа – полулошадки полу-девочки.

– Но я бы хотел... – протестуя округлил свои изумленные глаза бог ветров.

– Она сама вольна выбирать, в каком облике ей жить, — успокоил его Посейдон. – Возвращаясь во дворец из дальних странствий, ты дочь свою в девичьем облике увидишь. Но во времена твоих путешествий, она будет расти в лесах Пелиона, резвясь кентавридой, под прищмотром деда своего Хирона.

Малютка-кентаврида сразу же встала на свои шаткие ножки, в отличие от беспомощных человеческих детей. Девочка была, светловолосая с беленьким личиком, а ее кобылье тельце было вороной масти, и потому ее сразу же стали называть Меланиппой – Черной Кобылицей.

⁷⁷ Гиппа – гиппос – лошадь (греч).

Сказание о кентавриде Меланиппе

Меланиппа и Асклепий

Цок-цок-цок! – зазвучали легкие копыта, и на поляне появилась – юная девушка-кентавр. У внучки Хирона – белокожее девичье тело, округлые формы которого скрывают волосы, длинные и волнистые, как голубовато-серебристые струи Окиронеи, горной речки, текущей меж камней и скал Пелиона. И глаза у Меланиппы изменчивы, как зеркало вод Окиронеи: то сияют они, как чистый горный хрусталь, то сереют, как пасмурный дождливый день, то сверкают непроглядной темнотой омута. И угольно чернеет ее гибкое, ладное, блестящее тело молодой кобылицы. *Цок-цок-цок!* – изящно ступает Меланиппа высокими точеными ножками, и лазурной голубизной неба светятся ее глаза. И горячие взоры юношей-охотников следят за ней с нескрываемым восторгом. – Ого, какая добыча! Как Артемида к вам щедра! – изумленно-радостно качает головой Меланиппа, и мелодичный смех ее разносит Эхо между скал. – *Цок-цок!* – переступают ее танцующие копыта, и вслед за жуужжащей мухой хлестко взмывается серебристый хвост. – И где ты пропала, озорница? Опять скакала по кручам в горах? – спрашивает ее потеплевшим голосом Хирон. – С Окиронеи-мамой по долине мы гонялись наперегонки

– Что-то в последнее время, в канун своего пятнадцатого лета, ты редко к нам ходишь, все дома да дома, все с мамой, да с мамой... И на прогулки ты ходишь одна, – с улыбкой замечает Хирон.

– Одна, – печально подтверждает Меланиппа, но не объясняет почему.

Раньше они гуляли вдвоем – с богом-ребенком Асклеием. Но мальчик на глазах так быстро подрастал... Когда он был еще мал, он просто шагал рядом с нею. К ее удивлению, он ни разу не попросил ее о пощаде, когда испытывая малыша, она впервые перешла на легкий бег, а потом полущутя стала наращивать темп... И более того, увлекающийся Асклепий со своим всепобеждающим упорством сразу же полюбил скорость, неудержимую, как ветер! Так резво мелькали его ноги, он и не думал ей уступить! Им было весело мчаться, обгоняя друг друга. «Он такой же быстрonoгий, как Хирон!» – с восторгом думала Меланиппа.

Однажды, они, как сумасшедшие, гонялись по низине. И Меланиппе удалось развить невероятную скорость – взвилась она в могучем прыжке над верхушками деревьев! Красиво летела под облаками, то растягиваясь в воздухе, то соединяя передние копыта с задними. А мальчик внизу оставался и светлую голову вверх задирал, подругой, летящей, он любовался и огорченно думал: отчего у сына Аполлона всего лишь две ноги, а не четыре, как у мудреца Хирона и у черной, как ночь, Меланиппы!

Едва копытами она коснулась почвы, как юный Асклепий – взлетел. Поднялся с легкостью, без видимых усилий, как невесомый, взмыл в эфир! Асклепий не делал никаких движений: не скакал, подражая коням, не махал руками, как птица крыльями. Впервые он задумался о том, что по рождению он – бог... И эта вспыхнувшая огнем мысль пробудила в нем неведомые силы, всколыхнула гордыню: если ты бог, – поразмыслил Асклепий, – ты можешь, кем угодно стать: горячим скакуном или крылатой птицей... Но для чего? Тот, кто божеством рожден, может летать и без крыльев!

Восторженно взглянула титанида на приземлившегося чудо-ребенка и... не увидела ребенка. «Цок-цок! Цок-цок!» – своей танцующей походкой Меланиппа обошла его кругом и счастливо рассмеялась.

– Асклепий был мальчик, а теперь уже отрок! Асклепий, ты отрок! И ты умеешь летать! – запела-закружилась она, и серебристо-серые волосы разметались и поднялись

вкруг ее головы зонтом, как шляпка у гриба, как разлапистые ветки у пальмового дерева, и отрок-бог увидел нежные изгибы открывшегося девичьего тела. – Пойдем скорее, Хирону расскажем! – заторопила она его. – Ты как теперь до дому – лѐтом или скоком?

– Ты скачи, я догоню, – уклончиво сказал Асклепий, определенно что-то задумав.

Он выждал, пока подруга отбежит подальше, в мощных три прыжка ее догнал и, оттолкнувшись, на спину лошадиную запрыгнул. Отрок-бог ногами крепко сжал бока кентавры, руками обхватил ее девичий тонкий стан... И вдруг огнем пронзило тело бога, и этим же огнем ожгло кобылью плоть.

Заржала Меланиппа, подобно дикой кобылице. То бешено вертясь и дыбясь, то вихляясь крупом, пыталась она стряхнуть непрошеного седока с себя. Взвихрившись, помчалась вверх по пологому склону горы водопадной, доскакала до круто обрывающихся красных скал и камнем упала в хрустально-розовые воды горного озера, взметнув фонтан переливающихся брызг.

– Ну что? Испугалась? Укротил я тебя, необъезженную кобылицу? – не слишком весело – но с легким смущением спросил ее Асклепий, выбираясь из воды на каменистый берег.

– Не укротил – объездил всего лишь! – с сердитым вызовом возразила Меланиппа.

– Сегодня объездил! И это только начало! А строптивых черных кобылиц надо сразу укрощать! Бойся богов! – опять подавив смущение, упрямо ответил ей отрок-бог и засмеялся.

Гулявшая неподалеку нимфа Эхо подхватила его фразу и дерзкий смех и унесла их подальше от шума падающей воды.

– Бойся богов! Ха-ха-ха-а! Бойся богов! Ха-ха-ха-а! – разнеслось среди гулких скал и в шелестящей чаще лесов.

– Бойся богов?! – невольно шепотом повторила Меланиппа, и темно-серые глаза ее стали темно-красными, как отражения красных скал в воде, и молния сверкнула в них, как в небе грозном в часы заката. – Титанида тебя пока только искупала, но если еще раз попытаешься, так и знай – она тебя утопит! – с угрозой проговорила кентавра и, небрежно взмахнув хвостом, своей гордой грациозной поступью направилась в сторону леса.

Никогда прежде не испытывала Меланиппа силы таких могучих обжигающих прикосновений. Что-то новое почувствовала она в юном боге и в себе. Это ее встревожило и смутило, и потому не стала больше Меланиппа звать Асклепия на дружеские прогулки.

Встреча у водопада

В прозрачной лазури неба ни облачка – угнала куда-то Нефела своих облачных коров. Гелиус жарил нещадно. Добела раскаленный диск иссушил эфир до духоты... Хотелось пить. Наклонила стан свой низко девушка-кентавр, и, сложив ковшиком ладошки, зачерпнула водицы из чистого горного ключа. К небольшому водопаду в поисках освежающей прохлады держала путь Меланиппа. Поскакала она на просвет деревьев и выскочила на веселую полянку, всю залитую ослепительным потоком солнца. Красно-коричневые скалы в этих местах круто обрывались, и горная речка, протекавшая наверху, с шумом падала вниз, скапливалась в небольшом озере, но не прекращала свой бег и дальше по низине гнала свои излучистые воды. Меланиппа постояла под лавиной падающей воды и, выплыв на берег, фыркнула по-лошадиному, стряхивая воду с черной бархатистой шерсти. Она склонила голову набок и стала отжимать воду со своих мокрых отяжелевших волос. И вдруг как-будто гравий хрустнул под чьими-то ступнями. И почудилось титаниде чье-то опасное молчаливое присутствие рядом. – Кто здесь? Зверь? Кентавр? – с опаской оглянулась Меланиппа, но тотчас со смехом отогнала глупые страхи: кого ей бояться в родном Пелионе, – ей, титаниде, стремительной, как ветер! И от зверя она уйдет, и от лихомана-кентавра умчится! Да и кто посмеет внучке Хирона угрожать в этих краях! Да и мало ли в горах зверья обитает, может, горная козочка пробирается по каменистым уступам на водопой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.